

БЕЛАЯ ЛАЗОРЕВКА

НАТАЛЬЯ БОНДАРЬ
Драматург и документалист.
Родилась и живет на Урале.
Онончила ЕГТИ по специальности «литературное творчество» (мастерская Н.В. Ноляды).

Победитель (2020) и стипендиат (2022) семинара-совещания «Мы выросли в России», участница мастерских АСПИ (2022), писательских шнол Фонда СЭИП (2020–2022),

семинара «Путь в литературу» (2018). Пьесы представлены в России и в СНГ, переведены на английский и итальянский языки. Проза публикуется впервые.

I.

Тепло остается в маленькой ямке за твоим ухом, когда я осторожно смотрю тебе через плечи. Я еле сдерживаю метафоры. Колкие, они рвутся из глубины меня и застревают на кончике языка. Я обещаю больше не говорить. Обещаю, что мой путь будет прямо и прочь. Я стискиваю зубы, чтобы ямки впали в мое лицо, и не дышу. Слова затихают внутри меня. Однажды все метафоры станут ничем. Закончатся. Останется только мое тепло.

Вокруг метель. Будто нас засунули в стакан с остывшим молоком, и теперь мы замерзнем в ожидании, что кто-нибудь вынет нас отсюда глоток за глотком. Выпьет.

Небо висит низко, мешая мглу с тусклым светом фонарей. Ты гневишься в упор. В моих ресницах пугаются и сразу тают снежинки.

У тебя за ухом остывают теплые искры моего дыхания.

Город покрылся густой плесенью. Мы – ее прокаженная суть. Хватаю рукой твоё плечо, чтобы вытащить из метели, но в ладони остается лишь талая вода. Тебя тут больше нет. Я иду по гололеду, окрепшему под сугробами, ищу тебя глазами, хватаю снег, но никак не могу поймать. Не могу разглядеть в этой зиме тебя. И зачем-то все время пытаюсь.

Метафоры жгут горло и льются горячей рекой из глаз. Я опускаю ресницы. Тушь растекается по озябшим скулам. Руками собираю тепло, которое зима нещадно из меня вырывает.

Я могла бы кричать полутонами, перебирая акценты внутри сломанных фраз. Ломая метафоры. Глотая окончания. Могла бы выкричать все себе или кому-то другому. А если бы все метафоры закончились, я бы читала Каммингса полупшепотом из своей прокуренной гортани. Мой голос дрожит в смоге, пропитанном скотским торфом, а внутри, в глубине меня, мечется душа. Белая лазоревка, пойманная в капкан сухого камыша на заснеженном болоте.

Я одинокий теплый шар внутри поношенной куртки.

Иду сквозь пеструю рябь из людей, бегущих на красный в молоке густой метели. Вбираю в себя ворох их лжи, сжимаясь в точку.

Мне никогда не станет все равно.

Мы по разные стороны вертела. Нечего делить.

Обирай меня до последней строчки.

Холодно. Зима перебирает меня, будто струну, дрожащими пальцами метели. Нужно размять крылья, чтобы согреться. Нужно выпорхнуть из зимы в тяжелые двери кабака, но снег набился в кеды. Я приклеена к ледяной земле. Ползу по плоскости, вставая в нее.

Хочу оттолкнуться от дна, но все еще падаю. Белый пол подо мной расходится вязким болотом. Открываю настежь окно, приглашая новый февраль в комнату. Ветер стучит по голым щиколоткам, прогоняя меня на израненный велюр. Плед сжимается надо мной в кокон из прожженных дыр и небрежных складок.

Хочу оттолкнуться от дна, но все еще падаю. Белый пол подо мной расходится вязким болотом. Открываю настежь окно, приглашая новый февраль в комнату. Ветер стучит по голым щиколоткам, прогоняя меня на израненный велюр. Плед сжимается надо мной в кокон из прожженных дыр и небрежных складок.

Я обнимаю колени, сдавливая их изо всех сил. Я царапаю кости, убивая в себе боль. Это просто отрезок на плоскости. Надо просто ползти вперед.

Февраль поднимается ветром к потолку и свистит, раскачивая поломанную люстру.

Моя броня толще, чем у броненосца, висящего на часах, бьющих Лондон-1888. Во мне бродит медовый дым, словно я бочка из-под шерри.

Все метафоры – зубы, воткнутые в холку моей душе.

Точка за точкой в глубине меня растет множество. И в нем, сытый до самых острых клыков, ждет твой жадный волк.

Ты Ван Гог. Я Пинки Пай.

III.

Лето хуже всего.

Зелень над головой кипит песнями, качает ленивый ветер на гибких ветвях. Жар становится пылью на моей коже, слепит белизной, пропущенной

сквозь ровное голубое небо. Я слышу, как февраль шумит под диваном, и гоню его прочь, раскладывая новый мир по местам.

Я рычу ему вслед, оскалив зубы. Собираю оскал морщинками кожи на носу и стучу зубами, хватая затхлый воздух. Белая лазоревка трепещет, остывая в волчьей пасти букетом перьев, аккуратно раскрашенных кармином.

Даже вечером асфальт жжет жарче, чем драмбуи. Сердце колотится бессонницей, улетающая с каждым ударом все дальше, за ширму фальшивой ночи. Картинки меняют друг друга, сливаясь в одну. Имена, запястья, метафоры и ямочки на губах – мир становится дрожащим комком на кончике моего носа и снова распадается на тысячу дорог.

Мир твоего волка – это ночь, порванная острым лезвием на нитки рассвета.

Листаю его, касаясь ногами пыльной дороги. Чувствую землю пальцами. Хочу бежать. Поперек от тебя и обратно.

Я тонкая струна, обернутая в железную броню. Мертвая птица стала мокрой точкой над верхней губой, и я пробую ее смерть на вкус, проскальзывая языком вверх. Я дрожу, как битый фарфор, и режу, как тонкая бумага.

Смерть в складках моих губ. В бархате на кончике носа.

На зубах твоего волка, который скалится в глубине меня.

Впереди – лес. За спиной догорают костры. Кто-то кричит меня по имени, и я прячусь за пушистым деревом, плотно прижимаясь к влажной коре. Занозы впиваются в голую спину, наполняя меня смолой. Драмбуи плещется, собираясь метафорами в глубине меня.

Темноту рвет шелчок зажигалки. Лжец идет в капкан, пробираясь сквозь густой папоротник. Он хватается меня за запястье, и я распадаюсь на смех и пепел, отражаясь волком в его глазах. Закусываю губу, и горькая смерть льется в рот невидимым кармином. В сказках у лжецов вырастают уши. В сказках все слонята. Я охочусь. Я Ха. Ха. Холмс.

Сдуваю пепел с тонкой сигареты, ослепляя ему глаза. Капли его страха сростаются с моей спиной. Я пробую лжеца, вгрызаясь в мочку уха. Я клацаю, наполняя лес звонким стеклом. Дерево занозит меня до глубины, разрезая кожу.

Волк довольно облизывается в глубине меня.

Сверни меня в ком из бумаги и спрячь за пазухой. То, что от меня осталось. Чтобы я не истлела в ак-

